

На правах рукописи

АВДЕЕНКО ИВАН АНАТОЛЬЕВИЧ

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В
ЯЗЫКЕ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Улан-Удэ – 2018

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «АмГПУ»)

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Шунейко Александр Альфредович,

Официальные оппоненты: **Эмер Юлия Антоновна,**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Томский государственный университет», профессор кафедры славяно-русского языкознания и классической филологии
Доманский Юрий Викторович,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», профессор кафедры теоретической и исторической поэтики
Ким Игорь Ефимович,
доктор филологических наук, профессор, ФГБУН
«Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук», главный научный сотрудник сектора русского языка

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Защита состоится «21» марта 2019 г. в 9:00 на заседании диссертационного совета Д 212.022.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова 4, конференц-зал научной библиотеки (8205 ауд.)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 8, ч/з диссертаций ауд. 8307 и на сайте организации <http://www.bsu.ru/dissers>.

Автореферат разослан « ____ » _____ .

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е. В. Зырянова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования символических систем пространства и времени в языке русской рок-поэзии определяется следующими соображениями:

1. Русская рок-поэзия оказывала и продолжает оказывать мощное воздействие не только на представителей своей субкультуры, но и на общество в целом, поскольку ее тексты модулируют русскую языковую картину мира, представления о пространстве и времени, культурно значимых концептах. Вместе с тем феномен русской рок-поэзии до настоящего момента не имеет достаточного научного описания. И если литературоведческие исследования принципиально расходятся в оценках этого явления, то анализ языка русской рок-поэзии как подсистемы русского национального языка в антропоцентрическом аспекте позволяет достаточно четко определить ее сущность, свойства, ценность.

2. Поскольку основной характеристикой любой эстетической системы является ее образно-символический код, отражающий в языке представления о мире, для изучения русской рок-поэзии наиболее перспективным является описание ее языка в аспекте символических систем (совокупностей культурно значимых концептов), в первую очередь выражающих представления о пространстве и времени как основных категориях жизни человека. Вместе с тем, проблема символа как знака особого рода, организующего смысловое пространство культуры в целом и художественного произведения в частности, остается нерешенной, поскольку (хотя символ находится в поле зрения различных научных парадигм) до настоящего времени не дано четких ответов ни относительно того, что представляет собой символ, ни относительно того, как именно он соотносится с концептом, а значит и языковой картиной мира, художественным образом, архетипом, мифом, метафорой, изобразительно-выразительными средствами языка.

3. Имеющимся в научной литературе опытом анализа символического кода, в том числе кода русской рок-поэзии, свойственна контаминационность, при которой семантика символа определяется как сумма значений символа в различных, часто значительно удаленных друг от друга в территориальном и хронологическом аспектах культурах. Описание систем символов в языке русской рок-поэзии, отражающих специфику соответствующей ей языковой картины мира, по необходимости требует и разработки методики исследования, основанной не на контаминации представлений о семантике тех или иных символов в различных культурах и не на опыте исследователя, а на объективно выявляемых закономерностях их использования в текстах.

4. Русская рок-поэзия чрезвычайно многообразна, продолжает развиваться и, как любая форма художественного творчества, ориентирована на личность автора, выражение индивидуального понимания мира в уникальных произведениях, что не позволяет охватить всю совокупность репрезентирующих русскую рок-культуру текстов. Представляется актуальным описание инвариантов семантики символов (культурно значимых для русской рок-поэзии концептов) и обобщенных моделей символических систем (фрагментов языковой картины мира, зафиксированных в языке русской рок-поэзии) на основе анализа совокупности наиболее значимых текстов ведущих представителей данного направления. Такой подход позволяет создать некий эталон, в сопоставлении с которым возможно исследование специфики языка поэзии того или иного автора.

Степень разработанности темы исследования

Проблема русской рок-поэзии в научных исследованиях актуализировалась вместе с появлением феномена русской рок-поэзии, но особую актуальность эта проблема получила в конце 90-х годов XX века. В момент написания данной работы формируется восемнадцатый выпуск сборника «Русская рок-поэзия: текст и контекст», однако само понятие «русская рок-поэзия» представляет собой проблемную область.

В числе проблем выделяются: правомерность внесения русской рок-поэзии в область интересов филологии, правомерность выделения вербального компонента рок-композиции как относительно самостоятельного объекта филологического исследования, правомерность отнесения вербального компонента рок-композиции к поэзии, правомерность использования форманта «рок» в отношении русской рок-поэзии, правомерность актуализации национальной специфики. Как показал анализ названных проблем, все они так или иначе могут быть решены в рамках современной лингвистики.

Исследователи русской рок-поэзии неоднократно обращали внимание на символическую природу ее образного строя (В. В. Шадурский, С. В. Свиридов, О. Р. Темиршина). Однако прямое отождествление русской рок-поэзии с поэзией символизма невозможно в силу как их временной разделенности, так и принципиально различных форм существования. Если поэзия символизма имела традиционную для поэзии письменную форму, предполагала наличие доведенного автором до эстетического совершенства самостоятельного текста, то русская рок-поэзия существует преимущественно в устной форме, в идеале – непосредственного авторского исполнения (сиюминутного порождения) текста в рамках коллективного обмена переживаниями (концерта).

Именно энергетичный характер существования русской рок-поэзии наталкивает на мысль о том, что специфика рассматриваемого объекта со-

стоит не только в символичности языка, но и в его отношении к вокально-вербальным символическим практикам.

Под символической практикой в данном случае понимается актуализация культурных и создание новых символов, их семантизация, направленная на иррациональное осмысление действительности, наполнение реальности экзистенциальной глубиной (аналогичная идея «лингвокреативной практики», то есть формирования и трансформации культурных кодов, претворения «потенциальных смыслов мира» предлагается О. В. Орловой).

В отличие от других литературных направлений, имеющих черты символических практик, русская рок-поэзия не ориентирована на доведение результатов оперирования символами до уровня эстетической безупречности текста, при этом она опирается не только на символическое значение слова, но и на возможности музыки как способа выразить невербализуемое содержание.

Предпосылки исследования символа как единицы художественного текста (языка литературы) возникли еще в античности в связи с категорией мимезиса (Гераклит). Проблема символа обсуждалась в средние века (Псевдо-Дионисий Ареопагит), в эпоху Просвещения (Ф. Бэкон, Т. Гоббс), в ранней эмпирической философии (Дж. Локк, Дж. Беркли и Д. Юм), в немецкой философии, особенно важной для нашего понимания символа. И. Кант в «Критике способности суждения» утверждает, что символ – это представление интуитивное, косвенное, рефлексивное. Идеи И. Канта творчески развивают И. В. Гёте, Ф. Шиллер и Г. В. Ф. Гегель. Идея интуитивности, косвенности, рефлексивности развивались в науке и философии XX века (П. А. Флоренский, К. Г. Юнг, А. Уайхед, П. Рикер).

Осмыслению символа как средства поэтического языка, позволяющего выйти за пределы предметного мира, посвятили свои работы французские символисты: С. Малларме, Ж. Мореас, Э. Верхарн, Э. Рейно, Ш. Морис, Ж. Ванор, Р. Гиль, М. Метерлинк, Ж. Торель, А. Жид, Сен-Поль-Ру, С. Мерриль, А. де Ренье, А. Мокель, П. Клодель, Ф. Вьеле-Гриффен.

Особым вниманием к символу характеризуются программные, теоретические и критические работы русских символистов: Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, А. Белого, Вяч. Иванова, А. Блока, – при этом в отличие от западного русский символизм воспринимал вселенную как систему символов, а символизм как философию (Д. П. Мирский).

В современной науке проблема символа также активно обсуждается. Различные, зачастую противоположные представления о символе отражены в работах И. М. Слемневой и Е. Д. Андреевой, И. Я. Якушевич и О. С. Бернат, Н. М. Абакаровой и В. А. Садкова, М. А. Кривоносковой и И. С. Башмаковой, Н. Л. Арутюнян и Е. А. и Д. Б. Луговых, Т. А. Хитаровой и Е. А. Барляевой, Н. Н. Сыромля и Н. Ю. Бородуллиной, М. Н. Макеевой, Е. А. Гуляевой, М. В. Михиной и О. Я. Федоренко,

А. С. Троян, Н. А. Шабановой и В. Н. Алесенковой, В. И. Карасика. Поэтому, вероятно, во многих работах понятие символа не обсуждается, а используется как некоторая данность. Во многих других исследованиях авторы приводят несколько определений символа, не предпринимая попыток соотнести их между собой.

Наряду с символом в современном языкознании активно изучается концепт. На это настраивает антропоцентрическая парадигма лингвистики, которая и в психолингвистической, и в когнитивной, и в лингвокультурологической форме так или иначе рассматривает концепт как относительно дискретную точку взаимодействия языка и человека. При этом некоторые исследователи находят, что концепт и символ могут в тех или иных отношениях отождествляться. Так И. Кур-Кононович находит, что концепт может при определенных условиях стать символом, Л. Ц. Санжеева сущностно не различает символ, концепт и образ национального эпоса, Т. В. Губанова и О. В. Максимова отождествляют с символом образ, лейтмотив и концепт применительно к одному произведению.

Однако, если концепт может иметь множество имен, так или иначе соотносимых с его содержанием, символ обладает тождеством (по крайней мере, относительным) плана выражения, что позволяет соотнести тождественный план выражения с принадлежащим ему планом содержания в некоторой центральной, наиболее актуальной для носителя языка части.

Вне контекста употребления с помощью анализа состава тематической группы может быть исследовано инвариантное, потенциальное содержание лексемы – понятие. Если считать, что смысл слова актуализируется только в текстах (словарных статьях, паремиях, художественных, публицистических и т.д. произведениях, перифразах), единственным адекватным объектом методом исследования символа представляется анализ контекстов, в которых он использован.

Следует подчеркнуть, что воспроизведение символа языковой личностью носит «принудительный» характер. Поскольку человек существует в рамках определенной культуры, он усваивает и её компоненты, нашедшие отражение в виде символов в языковой картине мира, соответствующие им концепты транслирует эти компоненты в культуру, каждый раз дополняя, видоизменяя языковую картину мира. При этом семантика символов модифицируется, но её целостность не разрушается. Для настоящего исследования это имеет два важных следствия. Во-первых, символ рассматривается как языковая единица, реализующая свой семантический потенциал в текстах русской рок-поэзии, включая «заимствованные» тексты, так или иначе втянутые в их состав. Во-вторых, при анализе семантики символов и структуры их систем имеет принципиальное значение не индивидуально-авторское, вариативное, присущее отдельному рок-поэту, а именно общее, инвариантное, присущее языку русской рок-поэзии.

Объектом изучения в рамках данной работы является язык русской рок-поэзии, **предметом** – инвариантная семантика (культурно значимые концепты) символов и структура символических систем (фрагментов русской языковой картины мира) пространства и времени. При этом под языком русской рок-поэзии понимается подсистема русского национального языка, выражающая через актуализацию в поэтических текстах символической семантики слова и воспроизведение структуры символических систем мировидение субкультуры русского рока. Под символической системой имеется в виду совокупность связанных сетью отношений, актуальных для русской рок-поэзии тематически однородных символов, образующая относительно самостоятельный фрагмент языковой картины мира.

Проблема, рассмотренная в работе, состоит в том, что язык русской рок-поэзии, представляя собой вариант русского национального языка, не в полной мере понятен, порождает странные, с точки зрения носителя русского языка, в том числе и специалиста-филолога, тексты.

Гипотеза исследования состоит в том, что специфика языка русской рок-поэзии выражается в особенностях семантики символов и организации их систем, отражающих мировидение русской рок-культуры как варианта русской языковой картины мира.

Цель работы – описание инвариантной семантики (культурно значимых концептов) символов пространства и времени и построение моделей соответствующих символических систем (описание фрагментов языковой картины мира) в языке русской рок-поэзии.

Достижение поставленной цели, с учетом отсутствия определенности в отношении категории символа, предполагает решение следующих **задач**:

- 1) исследование специфики символа как языкового знака особого рода, означающим которого является культурно значимый концепт – сеть отношений, ассоциаций с другими значимыми компонентами языковой картины мира, устанавливающихся и выражаемых в текстах; выявление отличия символа от имени абстрактного понятия;
- 2) определение продуктивного для исследования специфики языка русской рок-поэзии основания типологии символов;
- 3) выявление специфики символа в сопоставлении со смежными в поэзии явлениями (метафорой, метонимией, художественным образом);
- 4) исследование роли символа в установлении интертекстуальных связей и порождении текстов русской рок-поэзии;
- 5) выявление путем анализа текстов русской рок-поэзии состава категорий, соотношение с которыми лексического окружения символа в контексте в результате контент-анализа позволяет охарактеризовать его семантику и специфику включения в символическую систему;

6) описание (то есть непосредственная фиксация) состава и семантики пространственных символов в языке русской рок-поэзии на основе качественно-количественного контент-анализа контекстов их упоминания;

7) моделирование (то есть выявление отношений между элементами) системы пространственных символов русской рок-поэзии на основе данных качественно-количественного контент-анализа;

8) описание (непосредственная фиксация) состава и семантики темпоральных символов в языке русской рок-поэзии на основе качественно-количественного контент-анализа контекстов их упоминания;

9) моделирование (выявление отношений между элементами) системы темпоральных символов русской рок-поэзии на основе данных качественно-количественного контент-анализа;

10) сопоставление систем пространственных и темпоральных символов в языке русской рок-поэзии.

Методология и методы исследования

Исследование семантики пространственных и темпоральных символов в языке русской рок-поэзии в данной работе основывается на **качественно-количественном контент-анализе** текстов. Использование этого метода определяется пониманием символа как знака особого рода, семантика которого актуализируется в контекстах употребления, а также пониманием русской рок-поэзии как вокально-вербальной символической практики. В качестве вспомогательного метода использован **компонентный лексический анализ**, позволивший построить на базе фактического материала систему категорий ассоциаций рассмотренных символов. Отбор символов для анализа произведен на основе **сплошной выборки** контекстов актуализации символов в пределах предложения (в исключительных случаях, если семантика символа раскрывается в более широком контексте, – нескольких предложений). На основе данных, полученных в результате контент-анализа, произведено **моделирование** фрагментов (пространственного и временного) языковой картины мира субкультуры русского рока.

Методологическую основу исследования составляют принципы и методы исследования, реализованные в основополагающих трудах, посвященных теории символа (А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева, Е. В. Шелестюк, А. Р. Абдуллина, Н. Н. Рубцова, М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского), эстетике символизма (А. Белого, О. Р. Темиршиной), теории художественного образа (М. Эпштейна), теории понимания текста, в том числе художественного (М. М. Бахтина, А. А. Залевской, А. И. Новикова), психопоэтике (В. А. Пищальниковой), теории интертекстуальности (Р. Барта, Ж. Женетта, Ю. Кристевой), этнолингвистики и лингвокультурологии (Э. Сепира, В. В. Красных), ключевым идеям русской языковой картины мира (Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной,

А. Д. Шмелева, В. Н. Телии), описанию концептов и концептосфер (Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, В. Ю. Апресяна, В. И. Карасика; Е. В. Лукашевич), теории знака (Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, А. В. Кравченко), исследованию отдельных культурных концептов (В. Г. Ильина, Н. Г. Краснояровой), теории метафоры (Н. Д. Арутюновой, М. Блэка, Э. Кассирера), ассоциативно-смыслового анализа текста (Н. С. Болотновой). При этом следует отметить, во-первых, то, что разнообразие рассмотренных подходов связано с многоаспектностью понятий «символ», «концепт», «текст», а во-вторых, что работы многих из названных авторов приведены в этом перечне не потому, что логика авторов соответствует логике данного исследования, а потому, что работа с этими источниками так или иначе ведет к идеям, реализованным в диссертации.

Материал исследования

Для описания символических систем русской рок-поэзии в данном исследовании использованы наиболее известные публикации русской рок-поэзии: юбилейные или «итоговые» альбомы, составляющие некую целостность. В ряде случаев отступления от этого принципа неизбежны, так как соответствующие публикации недостаточно полны или отсутствуют. В данном исследовании проанализированы контексты упоминания символов в 207 текстах наиболее известных русскоязычных рок-групп: «Воскресенье» – концертный альбом (видеоконцерт) «Живее всех живых», а также наиболее известные песни группы; «Аквариум» – альбомы «Кострома Mon Amour» и «Русский альбом»; «Звуки Му» – альбом (двойной) «Простые вещи»; «Алиса» – концертный альбом «Шабаш»; «ДДТ» – концертная программа «Черный Пес Петербург»; «NAUTILUS POMPILIUS» – культовые песни из альбома «Разлука», а также трибьют «Отчет за 10 лет»; «Зоопарк» – альбом «Сладкая N и другие»; «Чайф» – концертный альбом «15 лет»; «Крематорий» – юбилейный концерт «Крематорий: 20 лет»; «Машина времени» – 20 наиболее известных текстов, использованных в различных альбомах; «Кино» – альбомы «Звезда по имени Солнце», «Группа крови», песня «Хочу перемен!».

Научная новизна исследования

1. Впервые при исследовании образно-символического строя поэтического направления (русской рок-поэзии) использовано понимание символа как базовой единицы языка, означающим которого является культурно значимый концепт – семантическая единица, фокусирующая представления о мире в русской рок-культуре, базирующейся на русской языковой картине мира, расширяющая, модифицирующая свою семантику за счет экспериментальных контекстов.

2. Впервые обоснована и реализована при исследовании символических систем языка русской рок-поэзии тематическая типология символов как отражающая представления о фрагментах языковой картины мира.

3. Впервые комплексно сопоставлены признаки символа как знака особого рода и метафоры, метонимии, художественного образа. В результате установлено, что специфические признаки символа указывают на принадлежность символа к языковым единицам, обозначающим культурно значимые концепты, а следовательно, отражающим специфику языка русской рок-поэзии.

4. Впервые интертекстуальные связи и порождение новых текстов в русской рок-поэзии рассматриваются как следствие актуализации символов, выражающих культурно значимые концепты.

5. Путем анализа текстов русской рок-поэзии впервые выявлен состав категорий, которые позволяют охарактеризовать семантику символа в языке русской рок-поэзии и специфику его включения в символическую систему, образующую фрагмент «рок»-варианта русской языковой картины мира.

6. На основе качественно-количественного контент-анализа контекстов упоминания пространственных символов впервые описаны их состав и семантика (соответствующие культурно значимые концепты) в языке русской рок-поэзии, чем определена специфика языковых представлений в рассматриваемом варианте русской языковой картины мира.

7. На основе данных качественно-количественного контент-анализа контекстов упоминания символов впервые смоделирована система пространственных символов в языке русской рок-поэзии (описан соответствующий фрагмент варианта русской языковой картины мира, отраженный в языке русской рок-поэзии).

8. На основе качественно-количественного контент-анализа контекстов упоминания темпоральных символов впервые произведено описание их состава и семантики (соответствующих им культурно значимых концептов) в языке русской рок-поэзии.

9. На основе данных качественно-количественного контент-анализа контекстов упоминания символов впервые смоделирована система темпоральных символов в языке русской рок-поэзии (описан соответствующий фрагмент варианта русской языковой картины мира, отраженный в языке русской рок-поэзии).

10. Впервые произведено сопоставление систем (соответствующих им фрагментов русской языковой картины мира в варианте, отраженном в текстах русской рок-поэзии) пространственных и темпоральных символов в языке русской рок-поэзии.

Теоретическая значимость исследования определяется следующим:

1. Выработана, обоснована, апробирована и предложена для реализации новая модель экспликации пространственных и временных отношений в русской языковой картине мира, реализуемых в большом корпусе текстов на русском языке.

2. Предложено и обосновано новое понимание символа как языкового знака особого рода, означающим которого является культурно значимый концепт – семантическая единица, фокусирующая культурные представления о мире и порождающая тексты, выражающие эти представления в русском языке.

3. Выявлен характер взаимодействия между конструированием эстетически значимых форм и русским национальным языком, русской языковой картиной мира.

4. Обосновано использование моделей символических систем пространства и времени в качестве идентификаторов принадлежности художественного текста на русском языке к тому или иному литературному направлению.

В своей совокупности эти положения являются новым этапом осмысления характера функционирования языка русской художественной литературы как формы русского национального языка.

Практическая значимость состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы:

1) при атрибуции текстов русской рок-поэзии на основе специфики отражения в них культурно значимых концептов русской языковой картины мира;

2) при научном комментировании различных художественных текстов на русском языке;

3) в практике научных исследований символических систем, языковых картин мира, культурно значимых концептов;

4) в практике составления словарей символов и культурно-значимых концептов;

5) в процессе преподавания дисциплин «Современный русский язык», «Теория языка», «Филологический анализ текста», «Лингвистический анализ текста» и др.;

6) при выполнении студентами филологических направлений подготовки и профиблей курсовых и выпускных квалификационных работ, подготовке диссертаций всех уровней.

Структура работы

В соответствии с поставленными задачами работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во Введении обоснована актуальность исследования, определены объект и предмет, поставлены цели и задачи, рассмотрена проблемная область «русской рокологии», выдвинута гипотеза о том, что русская рок-поэзия является вокально-вербальной символической практикой, охарактеризована структура работы, её новизна, теоретическая и практическая зна-

чимость, методологическая основа, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе изложено понимание символа как знака особого рода, означающим которого является сеть отношений, ассоциаций с другими значимыми компонентами языковой картины мира, устанавливающихся и выражаемых в текстах, рассмотрены проблема классификации символов, выявлены специфика символа в соотношении с концептом, именем абстрактного понятия, метафорой, метонимией, художественным образом, роль символа в порождении текста русской рок-поэзии, описана эмпирически выведенная система категорий контекстных ассоциаций.

Во второй главе рассмотрена семантика пространственных символов русской рок-поэзии, построена модель их системы.

В третьей главе рассмотрены семантика и система темпоральных символов в языке русской рок-поэзии.

В Заключении приведены результаты сопоставления систем пространственных и темпоральных символов в языке русской рок-поэзии, подведены итоги исследования и намечены его перспективы.

В приложениях приводится полный перечень анализируемых текстов, представлены цифровые данные о составе объектных, атрибутивных и процессуальных ассоциаций пространственных и темпоральных символов, а также групп пространственных символов и оппозиций символов темпоральных, таблица рейтингов эталонов, применительно к группам пространственных и оппозициям темпоральных символов русской рок-поэзии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Специфика языка русской рок-поэзии определяется семантикой символов (имен культурно значимых концептов) пространства и времени, а также структурой их систем, представляющих собой варианты русской языковой картины мира. При этом символ как знак характеризуется относительным единством плана выражения в отличие от концепта как семантической категории, предполагающей не только множество пониманий, но и множество означающих. В отличие от слова, потенциальное языковое значение которого актуализируется в речи и определяет характер лексической сочетаемости, символ обладает неограниченной валентностью, что позволяет стягивать в область его семантики не предусмотренные национальным языком, но допускаемые русской языковой картиной мира компоненты. В отличие от имени абстрактного понятия символ стремится не к дифференциации значения, а к установлению смысловых связей, стягиванию компонентов семантики окружающих его знаковых языковых единиц.

2. Для лингвистического исследования систем символов в языке русской рок-поэзии, требующего выделения в них некоторых смысловых под-

систем, применима тематическая классификация символов, поскольку каждая категория такой классификации соотносится с определенным фрагментом русской языковой картины мира.

3. Символ в языке русской рок-поэзии имеет языковую природу, в отличие от метафоры, метонимии и художественного образа не привязан к уникальному тексту и контексту, что позволяет рассматривать как семантику символов в языке русской рок-поэзии, так и структуру их систем в качестве инвариантных для языка русской рок-поэзии.

4. Текст русской рок-поэзии основан на манипуляции символом как видом прототекста (рационально неоформленного стимула к созданию текста), при которой символ раскрывает свой смысловой потенциал, а также на свойстве символа быть интертекстуальной семиотической единицей, объединяющей все тексты русской рок-поэзии, а также втягивающей в сферу рок-поэзии тексты представителей других направлений.

5. Семантика символа в языке русской рок-поэзии может быть описана в результате анализа его валентности в контекстах ближайшего лексического окружения. При этом состав категорий, к которым относится та или иная лексическая ассоциация, ограничен. Полученные описания соотносимы с дефинициями и характеристиками, представленными в словарях символов, исследованиях концептов и концептосфер.

6. Отдельные символы и их группы (совокупности семантически связанных единиц) в языке русской рок-поэзии семантизируются посредством соотношения с актуальными для семантики символов и их групп эталонами, то есть доминирующими для данного символа (группы символов) ассоциациями. При этом в большинстве случаев возникает дополнительный ассоциативный холистически предопределенный семантический фактор, объясняющий преобладание значимости того или иного эталона.

7. Системы пространственных и темпоральных символов в языке русской рок-поэзии и соответствующие им фрагменты варианта русской языковой картины мира, зафиксированного в текстах русской рок-поэзии, различаются по принципу организации. Пространственные символы объединяются во взаимосвязанные группы. Темпоральные символы связаны между собой оппозитивными отношениями. В случаях обеих систем связи и противопоставления в основном носят иррациональный (ассоциативно опосредованный) характер, что определяется актуальностью символической семантики, хотя частично обусловлены рациональными представлениями о соотношении значений слов.

8. Система пространственных символов в языке русской рок-поэзии (пространственный фрагмент русской языковой картины мира в варианте, зафиксированном в текстах русской рок-поэзии) строится вокруг символа ДОМ, представлена символами групп «Земля» (ДОМ, ГОРОД, ЗЕМЛЯ), «Небо» (НЕБО, ЗВЕЗДА, СОЛНЦЕ), «Границы» (ДВЕРЬ, СТЕНА, ОКНО),

«Треки» (ДОРОГА, ПУТЬ, РЕКА). При этом соотношение элементов групп и самих групп (градация, выделение, противопоставление) выходит за пределы понятийного содержания соответствующих слов, основано на дополнительных ассоциативных факторах.

9. Система темпоральных символов в языке русской рок-поэзии (временной фрагмент русской языковой картины мира в варианте, зафиксированном в текстах русской рок-поэзии) строится вокруг центральной оппозиции НОЧЬ – (УТРО) – ДЕНЬ в направлении увеличения степени абстрактности: второй уровень – оппозиция СЕГОДНЯ – ЗАВТРА, третий – ЗИМА – ВЕСНА, четвертый – ВРЕМЯ и ГОД. При этом как сами оппозиции, так и их соотношение также основаны не на понятийных, а на дополнительных ассоциативных связях.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность результатов исследования обеспечивается применением апробированных научных методов, привлечением большого числа источников по теме исследования и смежной проблематике, отбором наиболее значимых текстов наиболее влиятельных авторов, сохранением тождества состава текстов и методики анализа на протяжении всего исследования, значительным массивом проанализированных единиц (2717 контекстных ассоциаций в системе пространственных символов, 2164 – в системе темпоральных символов).

Материалы исследования обсуждались на конференциях: «Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций» (г. Комсомольск-на-Амуре, 22-24 сентября 2008 г., Международная научно-практическая конференция); «Актуальные проблемы исторической и современной русистики» (г. Хабаровск, 8-11 октября 2008 г., Всероссийская научная конференция); «Язык и культура: мосты между Европой и Азией» (г. Хабаровск, 15-18 сентября 2009 г., Международный лингвокультурологический форум); «Семиотическое пространство Дальнего Востока» (г. Комсомольск-на-Амуре, 21-23 сентября 2009 г., Международная научно-практическая конференция); «Филологическая наука в условиях диверсификации образования» (г. Комсомольск-на-Амуре, 16-17 ноября 2013 года, Всероссийская научно-практическая конференция); «Филологическая наука в условиях диверсификации образования» (г. Комсомольск-на-Амуре, 23 октября 2015 года, Всероссийская научно-практическая конференция); «Русский язык и литература в мультикультурном пространстве» (г. Комсомольск-на-Амуре, 30-31 марта 2017 г., Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием).

Основное содержание работы

Глава 1 **«Проблема символа в филологических науках»** посвящена теоретическим аспектам природы символа, специфики его функционирования в тексте и возможностей исследования этого явления.

В первом параграфе данной главы **«Символ и концепт: к определению понятий»** сопоставляются понятия «символ» и «концепт», поскольку в ходе исследования было обнаружено сходство их определений. В результате сопоставления выдвигается идея о том, что символ и концепт соотносятся как знак и его значение. При этом семантика символа (концепт) представляет собой смысловые связи, оторвавшиеся от понятия и пронизывающие индивидуальное и коллективное сознание. Речевым объектом, позволяющим смоделировать язык мышления и культуры, является текст, который отражает взаимоотношение концептов во взаимодействии кодирующих эти единицы символов. В разных текстах символы воспроизводятся с разной интенсивностью, но их использование в любом тексте в рамках данной культуры закономерно, поскольку концепт остается надиндивидуальной сущностью, и поддается научному лингвистическому описанию как система синтагматических валентностей, инвариант контекста, в котором языковая единица функционирует как символ (имя концепта).

Далее для обозначения двух смежных явлений используется термин «символ», так как он предполагает наличие двух планов (выражения и содержания) и тем самым больше соответствует объекту лингвистики (языковым единицам), в то время как концепт понимается как исключительно семантическое образование.

Далее – в параграфе **«Символ как конвенциональный знак особого рода»** – рассматривается знаковая природа символа, причины его многозначности, производится сопоставление символа с абстрактным понятием.

Если рассматривать символ как знак, означающим которого является концепт в культурологическом смысле, специфика символа как конвенционального знака особого рода состоит в следующем. Означаемое символа представляет собой не само понятие, а сеть отношений этого понятия с другими, то есть его смысл. Смысл же в отличие от значения (понятия) стремится не к разграничению, а к стягиванию всего, что так или иначе связано, в один семантический комплекс. Эта единица (сеть), в свою очередь, требует присвоения себе некоторого имени. Таким именем и становится символ (вербальный или изобразительный). И хотя изначально означающее символа связано с некоторым центральным для данного семантического комплекса понятием, оно переносится в область смысловых связей. Если означаемое собственно конвенционального знака (понятие) членит мир, то означаемое символа его соединяет.

В целом, отличия символа от собственно конвенционального знака можно свести к следующему: 1) собственно конвенциональный знак обозначает понятие, символ – концепт в культурологическом смысле; 2) понятие как означаемое собственно конвенционального знака членит мир, концепт как означаемое символа его соединяет; 3) означаемое символа имеет собственную структуру, построенную на отношениях сходства и смежности; 4) оперирование собственно конвенциональным знаком позволяет проникнуть в суть вещи, оперирование символом – прикоснуться к сложности мироустройства; 5) символ имеет возможности сочетаемости, выходящие за пределы логики; 6) собственно конвенциональный знак выражает элемент концептуальной картины мира, а символ – языковой.

Несколько иначе складывается ситуация с различием собственно конвенционального знака и символа, если мы имеем дело с именами абстрактных понятий. При наличии общности широты интерпретации символ и имя абстрактного понятия отличаются, во-первых, сферой интерпретации (символ интерпретируется целиком в ментальной сфере, в то время как имя абстрактного понятия охватывает и сферу реальных проявлений), а во-вторых, направлением интерпретации (символ интегрирует, устанавливает связи, смыслы, в то время как имя абстрактного понятия, как и имя любого другого понятия, стремится к дифференциации, определению).

В третьем параграфе первой главы **«К проблеме классификации символов»** обсуждается проблема классификации символов.

Как показывает анализ существующих классификаций символа, они могут быть разделены на три группы в соответствии с тремя аспектами знака: особенностями плана содержания, спецификой плана выражения и характеристиками функции. Например, У. Л. Уорнер выделяет символы *референциальные* и *эвокативные*; Э. Сепир – *референциальные* и *конденсационные* (заместительные).

В современном гуманитарном знании имеют место попытки классификации символов на основании различия плана выражения. Так, Н. Н. Рубцов выделяет пять основных способов выражения символического содержания и их комбинации: 1) графические, 2) пластические, 3) дискурсивные (вербализованные в ходе мыслительного процесса), 4) процессуальные (ритуалы, церемонии и т.д.), 5) операционные (поддерживающие определенный общественный порядок). О. А. Соловьева, опираясь на различные формы плана выражения, выделяет типы символических знаков власти: 1) территориальные (площадь, базар, мечеть, церковь, Красная площадь в Москве), 2) словесные (Ваше Величество, Генеральный секретарь), 3) звуковые (барабанный бой, выстрелы из пушек), 4) поведенческие (право быть на коне или сидеть в ходе церемонии), 5) вещественные (скипетр, держава), 6) астрологические (приметы связывающие право на власть с событиями вселенского масштаба).

Наконец, известны попытки построить функциональную классификацию символов. Так, А. Ф. Лосев выделяет девять типов символов на основании их функциональных различий в разных областях использования: научные; философские; художественные; мифологические; религиозные символы; природа, общество и весь мир как царство символов; человечески-выразительные символы; идеологические и побудительные символы; внешне-технические символы. Аналогичную по сути классификацию в своеобразном историческом аспекте предлагает А. Р. Абдуллин в соответствии с выделением бессознательной, подсознательной и сознательной сфер деятельности субъекта: символы, возникшие бессознательно (мифологические); символы, возникшие подсознательно (религиозные); символы, возникшие сознательно (научные).

Таким образом, имеющиеся в арсенале науки классификации символов отражают представление о них как о знаках. Отсюда аспекты плана выражения, плана содержания и особенностей функционирования (интерпретации). Однако они не позволяют смоделировать систему символов, учитывающую их специфику как знаков особого рода.

Классификацией, которая, как представляется, отражает специфику символа как знака особого рода и позволяет строить модели символических систем, может стать тематическая классификация символов, в основе которой лежит аспект действительности, релевантный для соответствующего семантике символа понятия.

В рамках тематической классификации символов могут быть выделены следующие типы символов: 1) пространственные, отражающие представления о символическом значении объектов, размечающих пространство (небо, земля); 2) темпоральные, выражающие культурно-ассоциативные связи единиц и категорий времени (вечность, год); 3) социальные, связанные с надпонятийным содержанием терминов родства и человеческих отношений (брат, друг); 4) предметно-бытовые, направленные на осмысление предметов быта (диван, ключ); 5) гастрономические символы, отражающие культурный смысл еды и напитков (чай, хлеб); 6) соматические, выражающие надпонятийное содержание обозначений частей тела живых существ (глаза, сердце); 7) вегетативные, определяющие смысловое поле неосознаваемых процессов жизнедеятельности (дыхание, жажда); 8) климатические, возникшие в результате осмысления явлений природы (гроза, ветер); 9) коммуникативные, отражающие аспекты общения, выходящие за рамки прагматики (слово, газета); 10) психические, связанные с субъективным переживанием внешних и внутренних событий (страх, любовь); 11) биологические, выражающие культурные представления о живых существах (собака, мышь); 12) растительные, отражающие экзистенциальный смысл растений (дерево, роза).

Данная классификация соотносится с основными кодами культуры, названными В. В. Красных: соматическим, пространственным, временным, предметным, биоморфным, духовным, – которые понимаются автором как сетки, которые культура набрасывает на окружающий мир, то есть с основными компонентами языковой (наивной) картины мира. Предложенная классификация, как представляется, имеет ряд существенных преимуществ: позволяет преодолеть атомарность исследования символов, построить тезаурус культуры, отражающий ее многомерность и системность; не зависит от формы плана выражения (вербальной, изобразительной или звуковой); позволяет систематизировать символы определенной среды функционирования и сферы использования, не разрушая их целостности; позволяет содержательно соотносить языковую (наивную) картину мира с концептуальной (научной), поскольку каждый тип потенциально включает в себя весь набор знаков обеих картин мира; позволяет соотносить символические тезаурусы различных национальных культур и субкультур; позволяет выявить специфику взаимодействия единиц внутри классов, особенности организации; позволяет проследить межклассовые связи.

Четвертый параграф первой главы **«Специфика символа в отличие от смежных категорий»** посвящен сопоставлению понятия «символ» с понятиями «метафора», «метонимия» и «художественный образ».

При наличии сходного функционального свойства – проявления глубинных смыслов – и принципиальном отличии, состоящем в том, что символ является языковым конвенциональным знаком, а метафора – речевым приемом, символ и метафора имеют следующие специфические черты: 1) метафора фиктивна, её смысл проявляется в результате попытки её верифицировать, символ выражает смысловые связи, понимаемые как реальность; 2) метафора релятивна в планах выражения и содержания, символ – только в плане содержания, символическое значение не вытекает из контекста, а создает контекст; 3) метафора бинарна, символ панрелятивен; 4) метафора синтагматична, символ парадигматичен; 5) метафоры могут образовывать системы, символ становится таковым и существует только в системе; 6) смысл метафоры исчерпаем и стирается каждым последующим фактом воспроизведения, каждая актуализация символа увеличивает осмысленную часть его содержания; 7) метафора относится к сфере речевой компетенции, символ – к сфере языковой и культурной компетенций; 8) метафорические значения могут лежать в основе значений фразеологических, символические значения фиксируются фразеологическими и фрагментируют их семантику; 9) интерпретация метафоры ситуативна и обусловлена речевой квалификацией интерпретатора, понимание символа обусловлено включенностью и символа, и интерпретатора в систему культуры.

В составе существенных функциональных отличий символа от метонимии отмечаются следующие: 1) символ, в отличие от метонимии, не является формой вторичной номинации: его ассоциативное значение не воспринимается как фигуральное; 2) метонимия как вторичная номинация опирается на логические импликация, смежность в семантике символа носит ассоциативный характер; 3) метонимия задает одно направление соотнесенности, символ выстраивает различные, в том числе противоположные ассоциативные ряды; 4) смысл метонимии выявляется в процессе верификации очевидно алогичного, семантика символа данной процедуры не требует, поскольку она изначально понимается как несомненная, несмотря на возможную алогичность; 5) метонимия компрессирует форму и содержание высказывания, символ кумулятивно расширяет план содержания относительно устойчивой языковой формы; 6) семантика символически понимаемого фразеологизма, в отличие от семантики фразеологизма, основанного на метонимическом переносе, выводима из семантики составляющих его символов; 7) в отличие от метонимии *pars pro toto* (синекдохи), символ не замещает собой всего обозначаемого, а семиотически (не в силу природной общности) связывает конкретное и абстрактное; 8) каждый символ, представляя собой семиотический якорь, заставляет человека выходить за пределы личного практического опыта, переводит его мышление в сферу сложных культурных представлений.

Символ и художественный образ в семиотическом отношении обладают сходством структуры, связывающей частное и всеобщее, конкретный предмет и абстрактную идею. Но, несмотря на существенное сходство, художественный образ и символ отличаются как локальное и универсальное, индивидуальное и коллективное, эстетическое и экзистенциальное, актуализирующее переосмысление и фокусирующее осмысленное, обращенное к человеку и адресованное миру.

В итоге рассуждений об отличиях символа от метафоры, метонимии и художественного образа сделаны следующие выводы. Существуют языковые метафоры и метонимии, некоторые художественные образы встраиваются в структуру языка в качестве лексических и фразеологических единиц, однако механизм их функционирования изначально привязан к контексту. В этом смысле метафора, метонимия и художественный образ – это в первую очередь единицы речи. Символ не привязан к контексту. Более того, он способен организовывать контекст таким образом, что грамматические и логические связи его элементов становятся второстепенными или незначимыми, а лексическая сочетаемость – безграничной.

Как и использование любой другой языковой единицы, использование символа принудительно, не зависит от воли автора, содержания контекста, принадлежности автора к тому или иному литературному направлению, не может быть уникальным. В то же время совокупность относи-

тельно однородных текстов позволяет выявить тенденции семантизации символа. Следовательно, семантика символа при потенциальной безграничности может быть описана.

В пятом параграфе первой главы «**Функционирование символа в структуре текста**» рассмотрено соотношение понятий «символ» и «художественный текст», функционирование символа как вида прототекста, проанализирована интертекстуальная природа символа.

Культурологическое (семиотическое) представление о символе как тексте, сформулированное Ю. М. Лотманом, не противоречит, а существенно дополняет лингвистические представления об этих объектах, поскольку сам языковой код имеет признаки целостности и связности, вследствие чего может быть развернут в линейную последовательность знаков. Особую роль в языковом коде играют символы как панрелятивные знаки, стягивающие вокруг себя как план содержания, так и план выражения множества других языковых единиц. Такой подход позволяет уточнить как природу символа и текста в лингвистическом и культурологическом (семиотическом) понимании, так и характер их взаимодействия: 1) ни текст, ни символ не являются дискретными единицами, поскольку их семантика определяется преимущественно контекстом; 2) выделенность символа связана не с дифференциацией, а с семантическим стягиванием, которое лежит в основе его природы; 3) семантическое стягивание обеспечивает встраиваемость символа в любой контекст, поскольку в сферу его семантики попадает предельное множество единиц, включающих символ в возможные контексты; 4) в диахроническом аспекте стягивание символом семантики затрагивает все временные срезы культуры и языка; 5) притягивая к себе означаемые и означающие множества знаков в актуальном и ретроспективном аспектах культуры, символ создает иллюзию существования некоего текста, имеющего множество пересказов, что подталкивает автора к созданию собственного вербального текста, разворачивающего некий символ; 6) иррациональность связей символа как производное его панрелятивности создает вокруг него ореол мистичности и объясняет в некотором роде тайну художественного творчества.

Термин «прототекст» используется в современном научном дискурсе в двух основных значениях: 1) то же что прецедентный текст, который может существовать в реальности или требовать своей реконструкции (Г. С. Прохоров, И. В. Кузнецов, С. В. Ляляев, В. Н. Топоров, Н. В. Петрова, Н. М. Орлова); 2) базовый, существующий подсознательно, недоступный восприятию объект, который является импульсом для создания конкретных текстов и в силу последнего так или иначе обнаруживается в них (Г. Г. Почепцов, Т. В. Казарина). Оба понимания объединяются представлением о знаковой природе прототекста. Отличие же на первый

взгляд сводится к тому, что в первом случае прототекст имеет хотя бы гипотетическое материальное воплощение, а во втором – не имеет.

Попытка выяснить, может ли прототекст во втором понимании воплощаться в материально выраженных знаках, привела нас к выводу о том, что специфика символа как вида прототекста состоит в возможности, с одной стороны, вследствие семантической релятивности, ассоциативности отразить неподвластные разуму связи, а с другой – выразить свойства мира, доступные не пониманию, а эмоциональному ощущению.

Термин «интертекстуальность», изобретенный Ю. Кристевой под влиянием идей М. Бахтина, подразумевает, что слово в художественном тексте выходит за пределы языка и становится диалогической единицей, значение которой определяется не в языковом коде, а во взаимодействии автора и текста, текста и адресата, текста и культурного (предшествующего и актуального) контекста. При этом художественное описание мира не укладывается в формализованную логику, предполагающую определенную истину, а характеризуется логикой дистанцирования и релятивности, аналогии и неисключающей позиции, трансфинитности, становления в противовес монологической логике бытия, каузальности и детерминации. При этом Ю. Кристева, исходя из определения М.Бахтиным слова как минимальной единицы текста, указывает на символ как единицу языка, отражающую релятивные связи, соотносимые не с линией и поверхностью, а с пространством и бесконечностью, соответствующую принципам диалогичности и, соответственно, интертекстуальности.

Р. Барт противопоставляет произведение как самотождественный, вещественный, отдельный, имеющий границы, обусловленный действительностью, принадлежащий автору и отражающий его намерения семиотический объект и Текст (здесь и далее написание этого слова с прописной буквы обозначает, что оно используется в понимании Р. Барта) как процессуальный, семантически открытый, неисчислимый (множественный) объект, существующий в языке и дискурсе. Текст всегда стоит на грани речевой правильности, парадоксален в буквальном смысле, его означаемое создается бесконечно на основе ассоциаций, смысловых смещений. Основной представляется идея о том, что поскольку произведение создается на основе Текста, оно органично вживается в него, а следовательно, любое произведение интертекстуально.

При этом Р. Барт отмечает, что Текст всецело символичен, в то время как произведение может быть лишь малосимволичным, а метафорой Текста является сеть, в которой элементы дробятся и комбинируются. Если понимать символ как панрелятивную единицу, которая в силу аннигиляции понятийного ядра получает способность абсолютной сочетаемости и бесконечной множественности смыслов, то можно поставить знак равенства между Текстом и символической системой: она – и язык, и дискурс, ее

структуру можно уловить, но практически невозможно описать в рамках рационального понимаемых категорий.

Далее идеи интертекстуальности развивались в направлении сужения представлений об этом явлении. Так, Жерар Женетт понимает под интертекстуальностью «буквальное (более или менее буквальное, целостное или нет) присутствие одного текста в другом: наиболее наглядным примером функций подобного типа, включающего в себя и множество других, будет цитация, то есть эксплицитная апелляция к другому тексту, который вводится и одновременно дистанцируется с помощью кавычек». Такое узкое понимание интертекстуальности в современной филологии наиболее продуктивно, поскольку предоставляет исследователю не только принцип описания объекта, но и систему форм заимствования, с которой на основании исчислимых признаков могут быть соотнесены конкретные факты. Широкий подход таких возможностей отчетливо не предоставляет и больше соответствует философским рассуждениям о языке и тексте, нежели попыткам практически ориентированных описаний.

Тем не менее, возможность практического применения изложенных выше взглядов Ю. Кристевой и Р. Барта видится вполне реальной, если принять в качестве формы ее реализации символ как единицу языка культуры, поскольку именно эта единица – знак, означаемым которого является концепт, – соотносит с материально выраженным означаемым всю бесконечность динамично меняющихся релятивных (диалогических) связей, культурно значимых смыслов и соответствует символической природе слова и Текста.

В шестом параграфе первой главы «**Контекстные ассоциации как форма проявления семантики символа**» представлена классификация контекстных ассоциаций, положенная в основу контент-анализа, результаты которого отражены во второй и третьей главах реферируемой работы.

Обобщенная система ассоциаций по семантическим и интерпретационным признакам, по нашему мнению, представляется следующим образом:

1. Объектные ассоциации, которые отражают связи символа с предметами и явлениями мира. Среди них могут выделяться:

1.1. Номинации существ, которые далее подразделяются на названия людей (субъекта и группы мужчин (*старик, отряд*) и женщин (*мать, хозяйка, бабы*), детей (*малыш, дитя*)), животных (особи и группы, диких (*волк, олень, стая*) и домашних (*собака, конь, стадо, табун*), птиц (*петух, сокол, коростель*) и мифических существ (*бог, архангел, черт, бес*).

1.2. Номинации частей и особенностей строения тела. Номинации частей тела далее могут группироваться на основании отношения к голове: *глаза, нос*; корпусу: *брюхо, грудь*; конечностям: *рука, нога*; покрову: *кожа, шкура, шерсть*; повреждениям: *рана, ушиб, порез*.

1.3. Номинации растений, включая грибы, которые далее имеет смысл классифицировать только в случае высокой частотности, не наблюдающейся в текстах русской рок-поэзии.

1.4. Номинации предметов, которые в отличие от предыдущего типа достаточно разнообразны и могут далее объединяться в группы: дом (его части: *крыша, окно* и т.д.), постройки (*сарай, церковь*), одежда (*рубашка, платье*), орудия труда (*серп, мотыга*), оружие (*меч, заточка*), украшения (*колье, фенька*), приборы и приспособления (*печь, флюгер*), награды (*орден, кубок*), мебель (*диван, шкаф*), пища (*суп, чай, хлеб*), плоды сельского хозяйства (*свекла, молоко*), деньги (*рубли, баксы*), столовые приборы (*тарелка, стакан*), транспорт (*трамвай, авто*), обрядовые предметы (*свеча, крест, икона*). Состав ассоциаций этой группы может характеризовать семантику символа в различных отношениях к быту человека.

1.5. Номинации явлений природы: временных (*лето, сумерки*) климатических (*снег, засуха*), физических (*огонь, след*). Состав этих ассоциаций способен дать представление об отношении компонентов символа к времени года или суток, погодным условиям и физическим взаимодействиям.

1.6. Номинации географических объектов: населенных пунктов (*город, Питер, стойбище*), не населенных географических объектов (*гора, лес, болото, Волга*) и территорий (*край, Родина, округа*). Ассоциации этой группы характеризуют семантику символа в аспекте горизонтальной пространственной ориентации с учетом освоенности или неосвоенности пространства человеком, а также площади этого пространства.

1.7. Номинации космических объектов (*луна, солнце, комета, звезда* и т.д.), которые характеризуют вертикальную ориентацию семантики символа с учетом общекультурных и субкультурных символических значений, приписываемых этим номинациям.

1.8. Номинации единиц измерения пространства (*километр, миля, гектар*) и времени (*год, час, век*), которые определяют возможность и характер исчисления семантических компонентов символа, а также определять его относительную значимость в символической системе.

1.9. Номинации форм предметов (*капля, куб, петля* и др.), которые характеризуют как само представление о потенциальной оформленности в компонентах семантики, так и набор привносимых от самих этих номинаций символических компонентов.

1.10. Номинации веществ, характеризующие свойства материи, которая соотносима с тем, что выражается символом. В предельно общем виде эти номинации объединяются в группы имен твердых (*камень, железо*), жидких (*вода, спирт*), сыпучих (*песок, пепел*) и газообразных (*воздух, дым*) веществ.

1.11. Номинации абстрактных сущностей (*время, добро, закон, причина* и т.п.), которые могут каким-либо образом характеризовать содержание символа.

1.12. Номинации коммуникативных единиц и знаковых систем, которые могут группироваться вокруг языка: *имя, прозвище, слово*; искусств и их стилей: *панк-рок, джаз, музыка*. Эти ассоциации отражают способность и специфику выражения символического содержания в знаках.

1.13. Номинации мыслительных форм: *мысль, фантазия, идея*. Эти единицы характеризуют ментальный аспект восприятия символа.

2. Атрибутивные ассоциации, отражающие характеристики, признаки объектов, сущностей или процессов, которые также объединяются в группы на основании общности архисем.

2.1. Номинации признаков температуры (*горячий, холод, прохладно*), которые могут характеризовать активность того, с чем соотносится символ.

2.2. Номинации признаков состава (*монолит, лоскутный, смесь*), которые могут так или иначе отражать однородность или разнородность того, что обозначено символом.

2.3. Номинации вертикальных и горизонтальных ориентиров (*вверху, нижний, вокруг, далекий*), которые соотносятся с символическими ориентирами в языковой модели (картине) мира.

2.4. Номинации признаков цвета (*черный, серый, синий, грязный*), которые могут быть далее соотнесены с цветовой символикой различных культур для выявления специфики символа в изучаемой культуре.

2.5. Номинации признаков времени (*снова, майский, ночной, предутренний, исстари, иногда*). Они указывают на периодичность и временные интервалы, во время которых актуализируется названное символом.

2.6. Номинации признаков интенсивности звука и света (*тихий, оглушительно, шепотом, яркий, тусклый*), которые отражают характер агрессивности ассоциативного пространства, продуцируемого символом.

2.7. Номинации признаков скорости (*медленно, быстрый*), которые отражают динамические характеристики названного символом.

2.8. Номинации признаков размера (*чуть-чуть, большой*), которые отражают квантитативные свойства символически обозначаемого.

2.9. Номинации признаков количества (*много, один, втроем*), которые фиксируют уникальность или измеримую (неизмеримую) множественность обозначаемого символом.

2.10. Номинации признаков принадлежности (*птичий, небесный, гробовой, туземный*), указывающие на сферы, в пределах которых символ обладает ярко выраженной способностью применения с учетом того, что остается универсальным.

2.11. Номинации признаков вещества (*мокрый, песчаный, свинцовый*), которые дополняют, уточняют номинации самих веществ и объектов, соотносимых с веществом.

2.12. Номинации признаков вкуса (*горький, соленый, сладко*), которые так или иначе соотносят содержание символа с символическим содержанием вкусовых ассоциаций, типа «горькая беда», «сладкая жизнь» и т. п.

2.13. Номинации признаков силы (*легкий, тяжелый, сильный, слабо*), которые отражают характер взаимодействия с тем, что названо символом: реакций самого означаемого на какие-либо объекты, сущности, процессы, и реакций других объектов, сущностей, процессов на это означаемое.

2.14. Номинации признаков стабильности (устойчивости, крепости) (*крепкий, гнилой, хрупко*), которые фиксируют способность обозначенного символом сохранять целостность при внешних воздействиях.

2.15. Номинации характера человека (*слюнявый, молодецки, суровый, блаженный, нрав, смирение*), которые фиксируют постоянные или характерные признаки называемого символом как живого существа, регулярно взаимодействующего с окружающим миром на ментальном уровне.

2.16. Номинации психических состояний человека (*рад, в сердцах, веселый, любовь, страх*), которые отражают мгновенные, временные признаки называемого символом как живого существа, эпизодически взаимодействующего с окружающим миром на ментальном уровне.

2.17. Номинации обобщенных качеств (*отравленный, новый, достойный, совершенный*), которые выявляют свойства того, что названо символом, по отношению к утилитарным аспектам жизни человека.

2.18. Номинации (иерархические, включения / исключения и т.п.) отношения к объектам, сущностям, событиям, человеку (*главный, чужой, одинокий, зря, чин, почет*), отражающие аспекты иерархических, организационных, социальных отношений, в которые включается символ.

2.19. Номинации физиологических свойств (*жизнь, голодный*), которые фиксируют признаки называемого символом как живого существа, имеющего более биологическую, чем психическую и социальную природу.

2.20. Номинации эстетических свойств (*красивый, возвышенный* т.п.), которые выявляют неутилитарные и невитальные аспекты символа, которые соотносят его со шкалой прекрасное – безобразное.

2.21. Номинации признаков чёткости восприятия (*смутный, внимательно, явно*), которые фиксируют доступность того, что названо символом, для ментального контакта.

2.22. Номинации функций объекта в понимании человека (*путеводный, подсобный, парадный*), которые отражают аспекты обусловленности, прямой, косвенной или обратной зависимости называемого символом от объекта, сущности (в том числе символической), процесса, состояния и т. д.

2.23. Номинации идентификационных характеристик (*тот же, другой, тот самый, знакомый, новый*), которые указывают на узнаваемость того, что названо символом, в ментальном, культурном пространстве.

3. Процессуальные ассоциации, отражающие взаимодействие названного символом с внешней для него средой или компонентов символа друг с другом в его внутренней среде. На основе общности архисем среди этих ассоциаций выделяются следующие группы:

3.1. Номинации физических процессов горения (*зажечь, загореться, полыхать*), свечения (*светить, блестеть, гореть (то есть светить)*), кипения (*бурлить, кипеть*) и т. д., которые фиксируют энергетический характер называемого символом.

3.2. Номинации перемещения субъекта или объекта безотносительно других категорий (*течь, идти*), относительно другого субъекта или объекта (*приводить, дотянуться, искать*) или относительно пространства (*унести, вернуть*).

3.3. Номинации креационных процессов (*создать, стереть*), которые выражают способность называемого символом порождать сущности или процессы или заглушать, нивелировать, устранять их.

3.4. Номинации изменения физических (*упасть, открыться, смять*) или психических (*развитие, уснуть*) состояний, которые отражают внешнюю или внутреннюю мобильность того, что названо символом.

3.5. Номинации процессов расположения в пространстве (*окружить, вырваться, рассыпать*), которые фиксируют включенность названного символом в различные смысловые структуры и области, а также тенденции отталкивания и притяжения.

3.6. Номинации физиологических процессов (*жить, спать*), в том числе употребление пищи (*есть, жевать*), жидкостей (*пить, хлебнуть*), алкоголя (*бухать, клясть*), табачного дыма (*курить, затянуться*) и т. п., которые характеризуют жизнеспособность того, что названо символом, и формы проявления его жизни.

3.7. Номинации процессов восприятия: зрения (*смотреть, видеть*), слуха (*слышать, прислушаться*), обоняния (*нюхнуть, унюхать*), осязания (*почувствовать, занеметь*), чутья (*почуять*), которые фиксируют формы отражения культурного пространства тем, что названо символом.

3.8. Номинации эстетически ценных действий (*танцевать, рисовать*), которые характеризуют потенциал творческого преобразования мира тем, что названо символом, или с помощью самого символа.

3.9. Номинации сигнально-коммуникативных действий (*крикнуть, подмигнуть, стонать*), которые фиксируют выражаемые в невербальных коммуникативных формах реакции взаимодействий символа с культурным пространством.

3.10. Номинации речевых действий, в том числе коммуникативных (*рассказать, прочитать*), патологических (*бредить*), ритуальных (*молиться*), фатических (*позвать, знакомить*), эстетических (*петь, слагать стихи*), которые проявляют выражаемые в вербальных коммуникативных формах реакции взаимодействий символа с культурным пространством, а также саму способность символического содержания выражаться в слове.

3.11. Номинации выражения отношений (*награждать, хлестать, выбирать*), которые проявляют реакционные свойства называемого символом.

3.12. Номинации отношений (*любить, сомнение, разочароваться*), отражающие релятивные процессы, с которыми соотносится называемое символом.

3.13. Номинации интеллектуальных действий (*думать, считать, знать, мечтать*), которые выявляют познаваемость символа.

В основе распределения ассоциаций по группам может лежать хорошо зарекомендовавший себя в семантических исследованиях метод компонентного анализа.

Обозначенные выше группы ассоциаций, в контексте которых может упоминаться символ, имеют универсальный характер, однако частотное распределение совокупности ассоциаций (включая нулевые значения), их качественный состав своеобразны для каждого символа каждой культуры.

Во второй главе «**Семантика и система пространственных символов в языке русской рок-поэзии**» отражены результаты исследования языка русской рок-поэзии на предмет семантики, состава и характера взаимодействия символов, тематически связанных с категорией пространства (ЗВЕЗДА, СОЛНЦЕ, ЗЕМЛЯ, НЕБО, ГОРОД, ДОМ, ДВЕРЬ, СТЕНА, ОКНО, ДОРОГА, ПУТЬ, РЕКА). В основе описания и сделанных выводов лежит качественно-количественный контент-анализ совокупности текстов, имеющих особое значение для русской рок-культуры.

В первом параграфе второй главы «**Семантика пространственных символов русской рок-поэзии**» приведены результаты анализа семантики отдельных символов. При этом характеристика семантики каждого символа опирается на приведенную выше классификацию ассоциаций и дополняется сопоставлением семантики каждого символа с описаниями значений соответствующих символов (концептов), представленных в других исследованиях.

В качестве примера приведем основания выделения основных компонентов семантики символа ЗВЕЗДА.

На антропоморфность в семантике этого символа указывает следующее. 1. В аспекте объектных ассоциаций символ ЗВЕЗДА равно ассоциируется с объектами живой природы (существа, части существ, растения – 35 асс. (среди них только 3 асс. с растениями и 4 асс. с птицами)), а также

с деятельностью человека (19 асс. с предметами и 2 асс. – с названиями населенных пунктов). 2. В контекстах использования широко представлены объектные ассоциации с компонентом ‘человек’ (лицо, уста, рука, ладони, слово, имя, душа, любовь, счастье, рок, панк-рок, барышни, ведьма, жена, брат, друг, космонавт, табор, семья), а также ассоциации с объектами, связанными с человеком (дом, дверь, ключ, крыша, окно, печь, сапоги, нагайка, нитка, подзорная труба, стакан, звездолет, колесо, крест, костер, Москва, столица). 3. Среди атрибутивных ассоциаций выделяются ассоциации с психическими состояниями человека (всего 9 из 42 асс.): любовь, счастье, тоска, страх, сон, злость, готов, гнетущий, – и номинации характера человека: нрав, блаженный, сексуальный, суровый. 4. В контекстах использования выделяются процессуальные ассоциации, соотносящие семантику символа ЗВЕЗДА с человеком. Последнее наблюдается среди номинаций перемещения (гулять, идти, отправиться, уйти, ушедший), изменения состояний (встать, поднимать), процессов расположения в пространстве (стоять, вырезать, вставить, брать, давать, дотянуться, искать), процессов восприятия (зрительного ((по)смотреть, видеть); осязательного (согреть)), креационных (стереть), физиологических процессов (прожить, рождение, рожденный, спать, стать, давиться), эстетически ценных действий (плясать, песни), сигнально-коммуникативных действий (звать, (про)кричать), речевых действий (сказать, спрашивать, бредить), выражения отношения (благословить, ласкающая, целовать), отношений (любить, отказ, отступить, отчинить, оставить, прочь, сожалеть, стесняться), а также интеллектуальных действий (помнить, поверить, попробовать, постичь, счесть, узнать) – всего 48 асс. без учета повторов.

На семантику пограничности (маргинальности) символа ЗВЕЗДА указывает то, что при доминировании «земных» ассоциаций с географическими объектами половина из них – ассоциации с небом (9 асс. из 17 асс.), совмещение противоположных по семантическим и коннотативным компонентам номинаций в одних и тех же группах атрибутивных ассоциаций (чертов, *но* солнечный в номинациях признаков принадлежности; любовь, счастье, готов, не гнетущий, *но* тоска, страх, сон, злость в номинациях психических состояний человека; загадочный, *но* ясный в номинациях признаков четкости восприятия). Аналогичная двойственность наблюдается среди процессуальных ассоциаций: прилететь, *но* отправиться, уйти, ушедший; вырезать, *но* вставить; брать, *но* давать; дотянуться, искать, *но* не любить, отказ, отступить, отчинить, оставить, прочь!; стоять, *но* лежать; встать, поднимать, *но* упасть, падать; видеть, *но* не видеть. Общая конверсивность приведенных процессуальных ассоциаций указывает и на компонент ‘блуждание’ в семантике символа ЗВЕЗДА.

На компонент ‘неоформленность’ в семантике символа ЗВЕЗДА указывают единичность объектных ассоциаций с формами предметов и явле-

ний (луч) и единицами измерения пространства (кусоч), отсутствие атрибутивных ассоциаций с интенсивностью звука и света, скоростью, размером, силой, стабильностью, единичность номинаций идентификационных характеристик, признаков четкости восприятия.

Семантика привлекательности для человека актуализируется положительной оценочностью ассоциаций в группах номинаций признаков температуры (теплый), состава (чистый), вещества (золотой), вкуса (сладкий), обобщенных качеств (лучший), отношения (добро), эстетических свойств (красота), функций объекта в понимании человека (путеводный), идентификационных характеристик (знакомая, не чужой). Вместе с тем состав номинаций сигнально-коммуникативных действий (звать, (про)кричать), речевых действий (сказать, спрашивать, бредить), выражения отношения (благословить, ласкающая, целовать), отношений (любить, отказ, отступить, отчинить, оставить, прочь, сожалеть, стесняться), – указывает на преимущественную однонаправленность внимания к ЗВЕЗДЕ со стороны человека.

Сопоставление семантики символа ЗВЕЗДА в русской рок-культуре и мировой культуре позволяет утверждать, что, хотя в ряде контекстов отражены общекультурные представления, русская рок-поэзия соотносит семантику символа ЗВЕЗДА не с божественным, а с человеческим, не с закономерностью движения, а с блужданием. Звезда в русской рок-поэзии – самостоятельный объект, не управляющий судьбой человека, что, однако, вызывает стремление эту связь установить.

Аналогичные основания положены в основу описания семантики остальных пространственных символов.

Во втором параграфе второй главы **«Качественно-количественный анализ контекстных ассоциаций пространственных символов»** приведены результаты анализа соотношения групп пространственных символов и входящих в них единиц с эталонами, то есть значимыми для семантизации символов данной системы категориями ассоциаций.

В ходе анализа выборки было обработано 2717 ассоциаций двенадцати символов, в числе которых 1000 объектных, 1007 процессуальных и 710 атрибутивных. Это говорит о том, что семантика символов пространства в текстах русской рок-поэзии раскрывается преимущественно в предметном и процессуальном аспектах.

Семантизация отдельных символов и их групп осуществляется через актуальные для семантики символа эталоны (группы контекстных ассоциаций, количество которых превышает средний показатель по типу ассоциаций), выраженные объединенными общим компонентом значения группами ассоциаций.

Так, среди объектных ассоциаций четверть (25,5%) составляют номинации предметов. Значительные доли представлены номинациями су-

ществ (13,7%), в совокупности с номинациями частей и особенностей строения тела (21,2%) и номинациями географических объектов (13,8%). В составе этих групп количество ассоциаций превышает средний показатель, равный 76,9 асс. Таким образом, объектный аспект семантики пространственных символов в русской рок-поэзии раскрывается в эталонах: предметная среда – существа – пространство земли. Наименьшей релевантностью для семантизации пространственных символов русской рок-поэзии характеризуются номинации растений (2%), единиц измерения пространства (0,4%), форм предметов (2,6%), абстрактных сущностей (1,8%), мыслительных форм (0,9%).

Среди атрибутивных ассоциаций значимо выделяются группы номинаций признаков времени (13,4%), психических состояний (10,1%), идентификационных характеристик (9,3%), признаков количества (8,3%), признаков цвета (8%), а также номинации вертикальных и горизонтальных ориентиров (7,9%). В этих группах число ассоциаций выше среднего значения, равного 30,9 асс. Соответственно, основными эталонами атрибутивного аспекта пространственной символики рок-поэзии являются: время – психика – узнавание – количество – цвет – пространственная координата. Низким показателем релевантности для семантизации пространственных символов русской рок-поэзии характеризуются номинации признаков интенсивности звука и света (1,7%), скорости (1,1%), размера (1,8%), вкуса (0,7%), силы (1,5%), стабильности (1,4%), эстетических свойств (0,8%), функций объекта в понимании человека (1,3%).

Среди процессуальных ассоциаций в большей мере представлены номинации изменения физических и психических состояний (15%), перемещения (14,2%), процессов расположения в пространстве (11,7%), процессов восприятия (9,1%), интеллектуальных действий (8,9%) и номинации выражения отношений (8,5%). В этих группах число ассоциаций превышает среднее значение, равное 77,5 асс. Следовательно, основными эталонами этого аспекта семантики пространственных символов являются: изменение состояния – движение – расположение – восприятие – понимание и отношение. Вместе с тем, номинации эстетически ценных действий (2,9%), отношений (3,4%), сигнально-коммуникативных действий (4,7%), речевых действий (4,9%) характеризуются незначительными возможностями семантизации пространственных символов.

Эталоны, которые задаются соотносимым понятийным содержанием выражающих их слов, напрямую не связаны с понятийными компонентами слов, используемых в символическом значении. В большинстве случаев возникает дополнительный ассоциативный семантический фактор, объясняющий преобладание значимости того или иного эталона. Например, показательна низкая степень связи эталона «пространство земли» с символом

ГОРОД (3 (5,6%) асс.), что объясняется семантическим комплексом ирреальности, свойственным этому символу.

Система пространственных символов в языке русской рок-поэзии имеет групповую организацию, что отражается в разнообразии соотношения символов внутри групп с эталонами: в одних случаях наблюдается градация значимости эталона в зависимости от выраженности той или иной семантики, в других – выделение одного элемента по отношению к другим, причем в связи с различными эталонами выделяются различные элементы. В результате чего элементы групп дополняют, оттеняют, компенсируют план содержания друг друга.

Обнаруженные символы объединяются в четыре группы, отражающие систему координат языковой картины мира русской рок-поэзии: 1. Группа "Небо", которая включает в себя символы ЗВЕЗДА, СОЛНЦЕ и НЕБО.. 2. Группа "Земля", которая включает в себя символы ЗЕМЛЯ, ГОРОД, ДОМ. 3. Группа "Границы", которая включает в свой состав символы ДВЕРЬ, СТЕНА, ОКНО. 4. Группа "Треки", которая включает в себя символы ПУТЬ, ДОРОГА и РЕКА.

Группы символов в отношении к различным эталонам также проявляют разные типы взаимодействия: градационные и оппозитивные, причем в случаях с различными эталонами распределение по степени выраженности той или иной семантики, а также объединение групп в оппозиции различно, что, с одной стороны, подтверждает не категориальную, а символическую природу объединения символов в группы, а с другой отражает существование взаимной семантизации как привнесения в семантику символа компонентов, свойственных взаимодействующим с ним элементам системы. Например, эталон «пространство земли», выраженный в группе номинаций географических объектов, наиболее актуален для группы «Треки» (27,3% асс.), для остальных групп данный эталон релевантен примерно в равной мере («Границы» (11,1%), «Небо» (11,4%), «Земля» (11,7%)). Такое соотношение указывает на связь пространства земли с символическим пониманием земной жизни как дистанции, соединяющей начало и конец жизни.

Выводы к Главе 2 содержат описание модели пространственного фрагмента языковой картины мира русской рок-поэзии.

Система пространственных символов русской рок-поэзии строится вокруг символа ДОМ, который понимается как локализация всего жизненно необходимого, но крайне противоречивого. ДОМ существует в пространстве ГОРОДА, который понимается как своеобразный антимир, прозрачный, абстрактный и обобщенный, чуждый человеку суррогат жизни. ЗЕМЛЯ противопоставлена ГОРОДУ как циклично организованное природное начало: ею всё порождается и в нее всё обращается.

НЕБО – зеркальное отражение ЗЕМЛИ, одновременно похожее и антагонистичное. При наличии заселенности, плоскость НЕБА лишена домов, городов и границ, что делает НЕБО идеализированным воплощением жизни. НЕБО в русской рок-поэзии понимается как нечто иррациональное, но живое и заселенное, устанавливающее последовательность земных событий, которая выглядит как жизнь. ЗВЕЗДА, связанная с НЕБОМ, понимается как олицетворение пограничности (маргинальности), соотносимой с человеческой душой, с ее блужданием, и в этом смысле она воплощает собой небесный аналог человека в ПУТИ. СОЛНЦЕ также воспринимается как нечто живое, но жизнь СОЛНЦА связана как с порождением жизни, так и с лишением смысла, постоянным, зависимым движением в ограниченном пространстве. В этом смысле СОЛНЦЕ выступает в качестве небесного аналога человека в ДОРОГЕ.

Представления о границах в русской рок-поэзии выражены в символах ДВЕРЬ, СТЕНА и ОКНО. ДВЕРЬ представляется как локализованная граница между внешним и внутренним, телом и миром, различными временами. Проход сквозь ДВЕРЬ обусловлен выбором человека под воздействием внешнего «зова» между сохранением и утратой того, что есть в актуальном пространстве (времени, состоянии), и не предполагает возврата. СТЕНА ограничивает пространство, предназначенное для жизни, но актуально не обжитое, она воспринимается именно как горизонтальная граница, не имеющая высоты, её можно легко перешагнуть или разрушить. ОКНО понимается как приспособление для передачи информации (преимущественно визуальной и внешней) в форме искаженных черно-белых, статичных проекций, доведенных до совершенства, но лишенных жизненности, эстетичности, смысла.

Представления о треках в языковой картине мира русской рок-поэзии выражены в символах ДОРОГИ, ПУТИ и РЕКИ. ДОРОГА понимается как судьба: она реальна, видима, но умозрачительна и не ощутима, предоставляет возможности, но ограничивает самого человека, управляет им, сдавливает. ПУТЬ понимается как траектория блуждающего, постоянного, недифференцированного, самоценного движения. Это движение не требует обдумывания и принятия решений, оно свободно в плане преобразования, самореализации. Символ РЕКА выражает недискретное течение жизни, внешне статичное, но динамичное внутренне, идею предельности и безграничности жизни, совмещающей притяжение и свободу, близость и удаленность времен и людей.

В третьей главе «Семантика и система темпоральных символов в языке русской рок-поэзии» отражены результаты исследования языка русской рок-поэзии на предмет семантики, состава и характера взаимосвязи символов, тематически связанных с категорией времени (ВРЕМЯ, ГОД, ДЕНЬ, НОЧЬ, УТРО, СЕГОДНЯ (НЫНЧЕ), ЗАВТРА, ЗИМА, ВЕСНА). В

основе описания и сделанных выводов лежит качественно-количественный контент-анализ совокупности текстов, имеющих особое значение для русской рок-культуры.

В первом параграфе третьей главы «**Семантика темпоральных символов русской рок-поэзии**» приведены результаты анализа семантики отдельных символов. При этом характеристика семантики каждого символа также опирается на приведенную выше классификацию ассоциаций и дополняется сопоставлением семантики каждого символа с описаниями значений соответствующих символов (концептов), представленных в других исследованиях.

В качестве примера приведем основания выделения основных компонентов семантики символа ВРЕМЯ.

Компонент 'ограниченность' в семантике символа ВРЕМЯ актуализируется преобладанием номинаций, символизирующих границы в подгруппе номинаций дома и его частей (стена, кирпич, окно), составом подгруппы номинаций территорий (с одной стороны страна и царство, предполагающие границу государства, с другой – мир, имеющий пределы глобального масштаба), отсутствием номинации ног и их частей, группой временных интервалов среди номинаций признаков времени (год, сутки, вечером, вечер, ночью, день, час), подгруппой процессуальных ассоциаций с семантикой исчерпанности (докурить, допить, кончиться, стереться, отпущен, выйти).

Семантику постоянства, тяготения к вечности, свойственную символу ВРЕМЯ, выражают неопределенные временные характеристики в группе номинаций признаков времени (давно, долго, много лет, часто, навсегда, никогда), состав номинаций признаков размера (больше, велик, великий, бесконечный). Среди номинаций изменения физических или психических состояний треть связана с переходом из потенциального в актуальное состояние, изменением к лучшему и открытием перспектив (прийти, меняться, лечить, открыть, развязать), однако актуализация и изменение связаны с исчезновением (уйти, улетать, таять), остановкой движения (встать, вставать, перестать, остановить, застыть), свертыванием (сжаться), затуханием (погасить), разрушением (сорвать, резать), сумасшествием (помрачать рассудок), обращением в противоположность (стать наоборот). Аналогично соотносятся и номинации креационных процессов: рождение и появление (зачатие, рождаться, вступать, настать) совмещаются со смертью и разложением (смерть, смертность, угробить, не родиться, гнить), исчерпанностью (докурить, допить, кончиться, стереться, отпущен, выйти), неизменностью (не стать, оставаться, остаться).

Семантика праздности, ментальной опустошенности выражается составом ассоциаций с пищей (пиво, вино, сигареты), отсутствием ассоциаций с одеждой, деньгами, украшениями, столовыми приборами, обрядо-

выми предметами, а также составом номинаций речевых действий (бред, поболтать, молчать).

Безжизненность в семантике символа ВРЕМЯ актуализируется ограниченностью ассоциаций с живыми существами и отсутствием ассоциаций с растениями, составом группы номинаций веществ (мыло, сало, пот, снег, соль), где значимо отсутствуют воздух и вода. Кроме того, в составе процессуальных ассоциаций рождение и появление (зачатие, рождаться, вступать, настать) совмещаются со смертью и разложением (смерть, смертность, угробить, не родиться, гнить),

Сопоставление семантики символа ВРЕМЯ в языке русской рок-поэзии с существующими в языкознании описаниями одноименного концепта позволяет отметить ее существенные отличия: 1) время в представлении рок-поэтов не только не материально или вещественно, но опустошено и безжизненно; 2) время не бесконечно, причем его границы связаны не с циклами, а с длительностью как таковой; 3) движение времени предполагает лишь кажущееся развитие, в сущности же оно постоянно; 4) время приносит человеку преимущественно отрицательные переживания.

Аналогичные основания положены в основу описания семантики остальных темпоральных символов.

Во втором параграфе третьей главы **«Качественно-количественный анализ контекстных ассоциаций темпоральных символов»** приведены результаты анализа соотношения оппозиций темпоральных символов и входящих в них единиц с эталонами, то есть значимыми для семантизации символов данной системы категориями ассоциаций.

В ходе анализа выборки из 207 тестов русской рок-поэзии на предмет отражения в них символов времени было проанализировано 2164 ассоциации девяти символов. В числе 2164 ассоциаций 704 объектных, 676 атрибутивных и 784 процессуальных. Это говорит о том, что семантика темпоральных символов в текстах русской рок-поэзии раскрывается преимущественно в предметном и процессуальном аспектах.

Результаты анализа соотношения ассоциативных категорий с темпоральными символами и их группами в языке русской рок-поэзии показывают, что, как и в случае с пространственными символами, семантизация отдельных символов и их групп осуществляется через актуальные для семантики символа эталоны.

Среди объектных ассоциаций при среднем количестве ассоциаций в группе, составляющем 54,2 единицы, отклонения вверх от среднего показателя обнаруживают: номинации предметов (20,5%); существ (14,7%) (в совокупности с номинациями частей и особенностей строения тела (20,6%)); явлений природы (15,6%); географических объектов (13%); коммуникативных единиц и знаковых систем (11%); веществ (7,8%). Таким

образом, объектный аспект семантики темпоральных символов в русской рок-поэзии раскрывается в следующих эталонах: предметная среда – существа – природа – пространство земли – коммуникативная среда – вещества. Наименее релевантны для выражения семантики темпоральных символов русской рок-поэзии в объектном ассоциативном аспекте номинации единиц измерения пространства (0,1%), абстрактных сущностей (0,5%), растений (1,3%).

Среди атрибутивных ассоциаций при среднем количестве ассоциаций в группе, составляющем 29,4 единицы, отклонения вверх от среднего показателя обнаруживают: номинации признаков времени (20%), признаков количества (11,1%), психических состояний человека (10,9%), идентификационных характеристик (9,8%), отношения (6,9%), цвета (6,5%). Соответственно, основными эталонами атрибутивного аспекта темпоральной символики русской рок-поэзии являются: время – количество – психика – узнавание – отношение – цвет. Наименьшую роль в ассоциативной семантизации темпоральных символов русской рок-поэзии в атрибутивном аспекте играют номинации признаков скорости, вкуса, эстетических свойств, четкости восприятия (по 0,6% асс. в каждой группе), признаков вещества (0,7%) и размера (0,9%).

Среди процессуальных ассоциаций при среднем количестве ассоциаций в группе, составляющем 60,3 единицы, отклонения вверх от среднего показателя обнаруживают: номинации выражения отношений (16,1%); изменения физических и психических состояний (11,6%); перемещения (11,3%); физиологических процессов (10,4%); креационных процессов (9,9%). Следовательно, основными эталонами этого аспекта семантики темпоральных символов являются: выражение отношения – изменение состояния – движение – физиология – созидание. Наименьшей функциональностью в раскрытии семантики темпоральных символов русской рок-поэзии в процессуальном аспекте обладают номинации эстетически ценных действий (2,1%), физических процессов (3,7%), отношений (4,2%).

Анализ семантики символов, проявляющейся в ассоциативных связях, показал, что темпоральные символы в языке русской рок-поэзии образуют четыре оппозиции, отражающие систему временных координат: ВРЕМЯ – ГОД, ЗИМА – ВЕСНА, СЕГОДНЯ – ЗАВТРА, НОЧЬ – (УТРО) – ДЕНЬ. Обозначенные оппозиции символов, как и сами символы в рамках оппозиций в разной мере соотносятся с названными выше эталонами, что отражает доминанты их смысловых связей.

Различное соотношение темпоральных символов русской рок-поэзии и их оппозиций к эталонам выявляет их противопоставление по признакам организм – орган; природное – социальное; земное – космическое; коммуникативно активное / пассивное; материальное – идеальное; возможность / невозможность изменения; исчерпаемость – неисчерпаемость; наличие /

отсутствие психической активности; узнаваемость – неузнаваемость; колоративность – ахроматизм; наличие выраженного отношения – индифферентность; изменчивость – постоянство; движение – статичность; креативность – бесплодность; физиологичность – нефизиологичность.

Названные признаки могут быть как связаны с проявлением концептуального противопоставления терминов времени в отношении продолжительности элементов (циклов), актуальности и потенциальности, переходности и фиксированности, активности и пассивности поведения человека и состояния природы, так и противоположны им, подчинены иррациональным факторам функционирования. Так, например, символ НОЧЬ ассоциируется с глобальным полилогом, осмысленностью, проникновением в сущность мира, а ДЕНЬ – с бессмысленной информацией.

Различная актуальность смысловых эталонов применительно к оппозициям символов и их элементам выявляет сложную сеть взаимодействий между элементами названных противопоставлений, обеспечивающих непрерывность ассоциативных связей семантики символов: противопоставленное в одном аспекте соотносится в другом. Так, например, противопоставленные в аспекте характера информации символы ДЕНЬ и НОЧЬ объединяются компонентом исчерпаемости.

Выводы к Главе 3 содержат описание модели временного фрагмента языковой картины мира русской рок-поэзии.

Система темпоральных символов основана на двух принципах: 1) принцип оппозитивности (в подсистемах); 2) принцип градации степени абстрактности (между оппозициями).

Наиболее абстрактная оппозиция системы – ВРЕМЯ и ГОД. ВРЕМЯ – ограниченная, опустошенная в предметном и ментальном отношении область, основным признаком которой является неотвратимое и бессмысленно текучее постоянство, которое ведет к разложению и деградации. ГОД символизирует воплощаемое в различных материальных предметах, лицах, явлениях, но в сущности абстрактное и отстраненное, призрачное, внутренне противоречивое, но тотальное иррациональное доминирование, управляющее сменой циклов жизни.

Более конкретна, но в плане ассоциативной семантизации менее определена оппозиция ЗИМА – ВЕСНА. ЗИМА символизирует состояние цивилизации как остановившейся жизни с разорванными социальными отношениями, разрушенной внутренней целостностью человека, но одновременно – вариативность потенциальных изменений, их неотвратимость, связанную с активизацией мыслительных и коммуникативных форм жизни. ВЕСНА символизирует желаемое, природное, активное, зрелищное преобразование мира, магический переход от безжизненного состояния к состоянию жизни, движения, свободы, повышение текучести мира под воздействием огня, разрушение границ.

Еще более конкретна, однако в количестве и составе ассоциаций наименее определена оппозиция СЕГОДНЯ – ЗАВТРА. СЕГОДНЯ символизирует многослойность границ, между которыми скудный набор разрозненных объектов и аморфная жизнь. Символ ЗАВТРА выражает предсказуемое, лишенное ценности и цели, ориентированное на созерцание и обсуждение творческое освоение мира человеком и человечеством.

Центром системы является оппозиция НОЧЬ – (УТРО) – ДЕНЬ. Эта оппозиция по своей сути коррелятивна, однако интенсивность ассоциативной семантизации втягивает в ее сферу еще один промежуточный элемент.

НОЧЬ символизирует устремленный в будущее вектор схождения различных временных планов в цикле активизации глобального полилога, коммуникативного взаимодействия, смысловой насыщенности, притяжения людей друг к другу, глубоко личностных переживаний. Символ ДЕНЬ выражает представление о бессмысленной череде временных объектов, характеризующихся внешней переполненностью, но внутренней пустотой. УТРО – это символ эмоциональной опустошенности как промежуточного этапа между ночным и дневным состоянием мира.

В **Заключении** подведены итоги исследования и намечены его перспективы. В числе перспектив выделяются, с одной стороны, расширение состава описанных символических систем языка русской рок-поэзии, с другой – описание аналогичных систем языков других направлений словесного художественного творчества с последующим сопоставлением.

Приложения содержат полный перечень текстов, таблицы с числовыми данными, на основе которых были сделаны выводы.

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. Авдеенко, И. А. Пространственные символы в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2012. – Т. 2. – № 11. – С. 39-42.

2. Авдеенко, И. А. К вопросу о символе как конвенциональном знаке особого рода / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 1 (19). – С. 15-17.

3. Авдеенко, И. А. Символ и метафора / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3-2 (21). – С. 16-18.

4. Авдеенко, И. А. Символ и метонимия / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-2 (24). – С. 16-18.

5. Авдеенко, И. А. Символ и художественный образ / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1. – 1 (31). – С. 15-18.

6. Авдеенко, И. А. Символ и художественный текст / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2014. – Т. 2. – № 4 (20). – С. 31-35.

7. Авдеенко, И. А. К проблеме классификации символов / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – Т. 2. – № 2 (22). – С. 50-53.

8. Авдеенко, И. А. Символ в аспекте интертекстуальности / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8-3 (50). – С. 13-16.

9. Авдеенко, И. А. Символ как вид прототекста / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7-2 (49). – С. 16-18.

10. Авдеенко, И. А. Оппозиция символов день - ночь в текстах русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-2 (63). – С. 61-63.

11. Авдеенко, И. А. Соотношение ассоциативных категорий с темпоральными символами и их оппозициями в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-1 (63). – С. 49-53.

12. Авдеенко, И. А. Система темпоральных символов в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-1 (69). – С. 47-50.

13. Авдеенко, И. А. Соотношение ассоциативных категорий с пространственными символами и их группами в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2-2 (68). – С. 62-65.

14. Авдеенко, И. А. Проблемы определения понятия «русская рок-поэзия» в литературоведении и языкознании / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8-1 (74). – С. 54-57.

15. Авдеенко, И. А. Русская рок-поэзия как вокально-вербальная символическая практика / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-1 (75). – С. 77-81.

Монографии

1. Авдеенко, И. А. Пространственные символы русской рок-поэзии: монография / И. А. Авдеенко. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2014. – 144 с.

2. Авдеенко, И. А. Темпоральные символы русской рок-поэзии: монография / И. А. Авдеенко. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2016. – 145 с.

Публикации в журналах, сборниках научных трудов и материалах научных конференций

1. Авдеенко, И. А. Концепт «Звезда» в языковой картине мира русской рок-культуры / И. А. Авдеенко // Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций: материалы Международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 22-24 сентября 2008 г.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2008. – С. 374-383.

2. Авдеенко, И. А. Концепт «Солнце» в русской рок-культуре / И. А. Авдеенко // Лингвистика: вопросы теории и методики: сборник научных и научно-методических статей. Вып. 3. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2009. – С. 11-18.

3. Авдеенко, И. А. Концепт «Земля» в языковой картине мира русской рок-культуры / И. А. Авдеенко // Лингвистика: вопросы теории и методики: сборник научных и научно-методических статей. Вып. 3. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2009. – С. 4-10.

4. Авдеенко, И. А. Концепт «Небо» в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы: сборник научных трудов. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2009. – С. 111-116

5. Авдеенко, И. А. Концепт ДВЕРЬ в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник: сборник научных трудов: вып. 2. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2009. – С. 318-325.

6. Авдеенко, И. А. Концепт «дом» в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Лингвистика: вопросы теории и методики: сборник научных и научно-методических статей. Вып. 4. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2009. – С. 4-14

7. Авдеенко, И. А. Концепт «город» в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Актуальные проблемы исторической и современной русистики: материалы Всероссийской научной конференции (Хабаровск, 8-11 октября 2008 г.). – Хабаровск, Изд-во ДВГГУ, 2009. – С. 5-11.

8. Авдеенко, И. А. Концепт СТЕНА в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Актуальные проблемы исторической и современной русистики: сборник научных статей по материалам международного лингвокультурологического форума «Язык и культура: мосты между Европой и Азией (15-18 сентября 2009 г.). – Хабаровск: Изд-во ДГГУ, 2010. – С. 4-11.

9. Авдеенко, И. А. Символ, концепт, текст: пространство эксперимента / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2010. – № 1-2(1). – С. 45-48.

10. Авдеенко, И. А. Контекстные ассоциации и их интерпретация при описании семантики символа / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2010. – № 2-2(3). – С. 67-74.

11. Авдеенко, И. А. Символ РЕКА в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник: сборник научных трудов. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2012. – С. 7-17.

12. Авдеенко, И. А. К проблеме использования термина «концепт» / И. А. Авдеенко // Филологическая наука в условиях диверсификации образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции (16-17 ноября 2013 года). – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2014. – С. 5-11.

13. Авдеенко, И. А. Семантика символа «ВРЕМЯ» в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник. – 2014. – № 2. – С. 3-20.

14. Авдеенко, И. А. Семантика символа СЕГОДНЯ (НЫНЧЕ) в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Слово-образ-текст-контекст: Материалы IV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием "Слово-образ-текст-контекст"/ Ред.-сост. Н. В. Летаева. – Одинцово: АНОО ВО "Одинцовский гуманитарный университет", 2015. – С.100-109.

15. Авдеенко, И. А. Семантика символа УТРО в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 8. – С. 51–55. URL: <http://e-koncept.ru/2015/65011.htm>.

16. Авдеенко, И. А. Семантика символа ЗАВТРА в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 1431–1435. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85287.htm>.

17. Авдеенко, И. А. Семантика символа ДЕНЬ в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник. – 2015. – № 1. – С.4-22.

18. Авдеенко, И. А. Семантика символа НОЧЬ в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник. – 2015. – № 1. – С.23-45.

19. Авдеенко, И. А. Семантика символа ВЕСНА в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 536–540. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96011.htm>.

20. Авдеенко, И. А. Семантика символа ЗИМА в языке русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Научно-методический электронный журнал

«Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 531–535. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96010.htm>.

21. Авдеенко, И. А. Контекстные ассоциации пространственных символов в языке русской рок-поэзии. Количественный анализ / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник. – 2016. – № 1. – С. 4-16.

22. Авдеенко, И. А. Контекстные ассоциации темпоральных символов в языке русской рок-поэзии. Количественный анализ / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник. – 2016. – № 1. – С. 17-27.

23. Авдеенко, И. А. Символизация языка русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве материалы Всероссийской научно-практической конференции (Комсомольск-на-Амуре, 30-31 марта 2017 года). – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2017. – С. 5-11.